

На правах рукописи

Комкова Анастасия Николаевна

**ДИНАМИКА НОРВЕЖСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА:
КЛЮЧЕВЫЕ КОНЦЕПТЫ**

Специальность 10.02.04 – германские языки

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2012

Работа выполнена в секторе германских языков Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института языкознания Российской академии наук.

Научный руководитель – доктор
филологических наук, профессор
Никуличева Дина Борисовна

Официальные оппоненты:

Доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой германской и кельтской филологии филологического факультета ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова»

Чекалина Елена Михайловна

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, заведующий отделом языкознания ФГБУН Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук

Ромашко Сергей Александрович

Ведущая организация – Федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение высшего профессионального образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

Защита состоится «15» мая 2012 года в _____ часов на заседании диссертационного совета Д 002.006.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата филологических наук при Институте языкознания РАН по адресу: Москва 125009, Б. Кисловский пер., д. 1, стр.1.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Института языкознания РАН.

Автореферат разослан «__» апреля 2012 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук

Е.К. Молчанова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая диссертация посвящена лингвистическому анализу динамики ключевых понятий норвежского политического дискурса на протяжении первого десятилетия XXI века.

Актуальность настоящей работы определяется необходимостью и важностью разработки лингвистических инструментов изучения динамики общественного сознания, в частности исследования того, как переходные эпохи в жизни общества отражаются в языке политики, а, следовательно, – в политическом сознании общества.

Начавшийся с середины 2008 года мировой экономический кризис затронул практически все страны западного мира, не исключая Норвегию, традиционно лидирующую в списках наиболее благополучных государств нашей планеты. Норвежское общество ощутило на себе влияние кризиса слабее, чем многие другие, однако происходящее в мире не могло не сказаться на общественных настроениях внутри страны, и это позволяет нам выдвинуть гипотезу о том, что происходящие в обществе изменения так или иначе должны были найти отражение в языке норвежских политиков. Предпринятое нами исследование призвано выявить и проанализировать конкретные языковые проявления этих изменений.

Предметом исследования является риторика норвежских парламентских партий, исследуемая в динамическом аспекте на определенном временном промежутке.

Объектом исследования послужили наиболее частотные лексемы норвежского политического дискурса, рассматриваемые в их текстовом функционировании.

Цель работы – реконструировать базовые элементы норвежской политической концептосферы докризисного и кризисного периодов и, на основе сопоставления их состава, взаимного соотношения и внутреннего строения, охарактеризовать динамику норвежского политического дискурса. Цель исследования определяет постановку и решение следующих **задач**:

- выявление ключевых концептов норвежского политического дискурса докризисного и кризисного периодов;
- моделирование фреймовой структуры ключевых концептов на основе сочетаемости лексем, вербализующих эти концепты, в докризисном и кризисном дискурсах;
- анализ колебаний частотности и изменения сочетаемости лексем-репрезентантов концептов, произошедших в дискурсе кризисного периода;
- установление лингвистических особенностей политической риторики, характерных для отдельных партий.

Научная новизна исследования заключается в разработке методики контрастивного анализа политической риторики близкородственных скандинавских

стран, а также в использовании методов когнитивной и корпусной лингвистики для установления ядра норвежского политического сознания, определения дискурсивной специфики отдельных политических партий и выявления изменений, происходящих в их риторике. Ранее подобных исследований на материале норвежского языка ни у нас в стране, ни в самой Норвегии не проводилось.

Теоретическая значимость исследования определяется вкладом в разработку методов исследования политического дискурса, в частности, методов контрастивного изучения дискурсивных практик близкородственных скандинавских языков, а также методов сопоставительного изучения дискурсивных практик отдельных политических партий.

Практическая значимость работы состоит в том, что материалы исследования могут быть использованы как в научных, так и в образовательных целях: при анализе политической концептосферы других языков, в лекционных курсах по лексикологии норвежского языка, в спецкурсах по когнитивной лингвистике; в практике и преподавании политического перевода и при составлении словарей.

Материалом исследования служат два равных по объему корпуса норвежских политических текстов – докризисный (тексты 2003-1-я половина 2008 гг.; далее – корпус 1) и кризисный (2-я половина 2008-2010 гг.; далее – корпус 2), совокупным объемом около 2 000 000 слов. Вошедшие в корпуса тексты представляют собой программы партий, манифесты, статьи и выступления партийных лидеров, собранные на веб-сайтах семи партий норвежского парламента¹.

В настоящем исследовании был использован целый комплекс различных лингвистических **методов**. Выявление ключевых лексем политического дискурса осуществлялось с использованием методов корпусной лингвистики и статистической обработки текста. Исследование текстового функционирования лексем-репрезентантов ключевых концептов проводилось на основе методов контекстуального и дискурсивного анализа. Моделирование структуры концептов было выполнено при помощи концептуального, преимущественно фреймового, анализа.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Динамика норвежского политического дискурса может быть отслежена путем сравнения изменений частотности и сочетаемости ключевых лексем в текстовых корпусах схожей тематики и объема, относящихся к разным временным срезам.

2. Фреймовые структуры ключевых концептов, выявляемые в процессе анализа не только синтаксической, но и композитной сочетаемости лексем-репрезентантов, дают объективное представление о концептуальном ядре норвежского политического

¹ <http://arbeiderpartiet.no/>, <http://www.sv.no/>, <http://www.senterpartiet.no/>, <http://www.krf.no/>, <http://www.venstre.no/>, <http://www.hoyre.no/>, <http://www.frp.no/>

сознания, а также о концептуальной основе риторики отдельных партий и ее изменениях.

3. Дискурсивный подход к изучению лексической семантики позволяет оперативно отслеживать изменения, происходящие в языковом сознании социума, за счет сопоставления устойчивых значений лексем-репрезентантов, зафиксированных в словарях, с теми дискурсивными смыслами, которые выявляются в определенном типе дискурса на разных временных срезах.

4. Контрастивный анализ концептосфер норвежского и датского политических дискурсов демонстрирует их значительную близость друг другу, в частности, позволяет говорить о существовании общескандинавского ядра политической концептосферы, и вместе с тем выявляет определенную национальную специфику.

Основные положения диссертации прошли **апробацию** в виде доклада на Третьих лингвистических чтениях памяти В.Н. Ярцевой в Институте языкознания РАН в 17 ноября 2009 г.; в виде доклада на семинаре по текстовому и риторическому анализу в Университете Осло в июне 2010 года; в виде совместного с Е.В. Тереховой выступления на Круглом столе «Текст и язык в переходные эпохи» в Институте языкознания РАН в октябре 2010 г.; в виде доклада на VI Международной научной конференции «Язык, культура, общество» в сентябре 2011 года.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, библиографии и приложения.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность исследования, формулируются его цели и задачи, определяется объект и предмет изучения, излагаются методы, используемые в работе, раскрывается научная новизна, теоретическая и практическая значимость, излагаются положения, выносимые на защиту.

В **главе 1 «Теоретические основы исследования концептосферы политического дискурса»** освещаются теоретические вопросы, наиболее значимые для исследования концептосферы норвежского политического дискурса.

В первой части главы 1 обсуждаются научные представления о дискурсе вообще и политическом дискурсе в частности. Рассмотрев основные подходы к трактовке дискурса (Н.Д. Арутюнова, В.З. Демьянков, Е.С. Кубрякова, М.Л. Макаров, Ю.С. Степанов), а также соотношение понятий «дискурс» и «текст», мы, вслед за Е.И. Шейгал, приходим к выводу, что **дискурс** – текущая речевая деятельность в определенном социальном пространстве, обладающая признаком процессности и связанная с реальной жизнью и реальным временем, а также возникающие в результате этой деятельности речевые произведения (тексты), взятые во взаимодействии лингвистических, паралингвистических и экстралингвистических факторов.

Под *норвежским политическим дискурсом* в диссертации понимается речевая деятельность представителей норвежских политических партий, входящих в парламент. С точки зрения жанровой природы, тексты, послужившие основой нашего исследования, относятся к *центральному первичному жанру* политического дискурса. Они имеют разный интенциональный характер, событийную локализацию и социокультурную направленность, и представляют собой коммуникацию между институтом и обществом. *Борьба за власть* как основная цель политического дискурса определяет две его важнейшие функции – использование дискурса как инструмента борьбы и *конструирование языковой реальности*, которое зачастую происходит имплицитно – посредством выбора номинативных единиц.

Вторая часть главы 1 посвящена рассмотрению различных подходов к изучению политического дискурса и, в первую очередь, *когнитивного подхода*, взятого за основу в данном исследовании. *Когнитивная лингвистика* изучает способы познания и концептуализации окружающего мира и их отражение в языковых единицах и категориях. В когнитивном подходе к изучению языковых явлений для нас особую важность представляет главенство семантики, которая определяет поведение лексем, их частей и сочетаний, и таким образом помогает вскрыть механизмы конструирования языковой реальности.

В третьей части главы 1 рассматриваются основные понятия когнитивной лингвистики, значимые для настоящего исследования: *концептуальная* и *языковая картины мира*, *концепт*, *концептосфера* и *фрейм*.

В параграфе о концептуальной и языковой картине мира заключается, что объектом исследования является *профессионально ограниченная (политическая) языковая картина мира*, которая открывает доступ к концептуальной картине мира, сложившейся в норвежской политике.

Под *концептом* в диссертации понимается содержательная единица мышления, отражающая в сознании человека результат познания окружающего мира. Для настоящего исследования важно, что слово, актуализирующее «центральную точку» концепта, может служить именем концепта, а его сочетаемость раскрывает содержание концепта. Такие слова-репрезентанты концептов являются основой предлагаемого анализа норвежского политического дискурса.

Обзор различных трактовок термина «концептосфера» позволяет утверждать, что предметом настоящего исследования является *концептосфера политического дискурса* и те концепты в ее составе, которые отражают важнейшие элементы национального политического сознания и политическую культуру нации.

В главе 1 также были рассмотрены основные методики описания концептов, из которых целям нашего исследования лучшего всего подходит представление структуры концепта в виде *фрейма*. Строение фрейма представляется в виде структуры узлов и отношений, где вершинные уровни фиксированы и соответствуют вещам, всегда справедливым по отношению к предполагаемой ситуации, а ниже этих

узлов находятся терминальные узлы, или слоты, содержание которых непостоянно и зависит от ситуации. Значимым для нашего исследования является способность слотов расширять и варьировать когнитивный объем концепта.

Глава 2 «Экстралингвистические основы исследования и первичный анализ корпусов» является начальным этапом исследования концептосферы норвежского политического дискурса.

В первой части главы 2, посвященной изложению экстралингвистических основ исследования, представлен краткий обзор норвежской политической системы и основных парламентских партий, а также дано описание и обоснование методов исследования, включая методы корпусной лингвистики.

Источником материала для настоящего исследования стали семь партий, которые на протяжении нескольких десятилетий регулярно входят в состав парламента (в частности, по итогам последних выборов в норвежский парламента), и, следовательно, реально влияют на политический климат Норвегии. Левое крыло парламента представляют «Социалистическая левая партия» (Sosialistisk venstrepartiet – далее SV) и «Рабочая партия» (Arbeiderpartiet – далее Ap), правые взгляды выражают «Правые» (Høyre – далее H) и «Партия прогресса» (Fremskrittspartiet – далее FrP), а к центральному лагерю относятся «Партия центра» (Senterpartiet – далее Sp), «Христианская народная партия» (Kristelig Folkeparti – далее KrF) и «Левые» (Venstre – далее V). Правительство Норвегии – коалиционное, в правящую коалицию входят партии Ap, SV и Sp, пост премьер-министра занимает лидер самой популярной партии – Ap – Йенс Столтенберг.

Обзор норвежских работ, посвященных лингвистическому изучению политического дискурса собственной страны, показал, что исследования политической концептосферы в норвежской науке не проводятся и что в целом когнитивно-дискурсивный подход к изучению политического дискурса применения не получил. В фокусе внимания норвежских исследователей в основном находятся особенности политической риторики (см. напр. [Heradsrveit, Bjørge 1987; Knutsen 2010; Holje 2009; Urke 2007]) и анализ политического дискурса с точки зрения социологии (см. напр. [Mathisen 1997; Eriksen, Weigård 1999; Neumann 2001; Narud, Valen 2007]).

Основным инструментом нашего исследования был выбран метод, разработанный О.М. Готта под руководством Д.Б. Никуличевой (далее – метод Никуличевой-Готта) для выявления и анализа концептов датского политического дискурса. Метод базируется на статистическом анализе текстового материала с учетом значимых интервалов изменений частотности на протяжении стословных списков. Путем компьютерной выборки в дискурсе каждой из исследуемых партий выделяется 100 наиболее частотных слов, относящихся к классу непердметных существительных. Следует подчеркнуть, что мнение о «частотности» и «абстрактности значения» как о базовых критериях выявления лексем-репрезентантов

концептов широко распространено в когнитивной лингвистике (см., например, [Стернин 2001, Володина 2003, Пименова 2006, Кофанова 2006]). Кроме того, по примеру О. М. Готта, в нарушение критерия непредметности, в список слов-репрезентантов концептов были включены высокочастотные слова *человек* и *ребенок*, поскольку они отражают такую важную категорию человеческого сознания, как антропоцентризм, ставшую одной из принципиальных установок современной лингвистики.

Поскольку диссертация строится на исследовании корпусов политических текстов, невозможно было обойти вниманием основы корпусной лингвистики и в особенности – корпусные исследования дискурса. В изучении дискурса методами корпусной лингвистики первостепенную роль играют статистические методы, и, кроме того, такие понятия, как «ключевое слово» (*key word*) и «коллокат» (*collocate*). «Ключевыми словами», как правило, называют наиболее частотные лексемы в исследуемом тексте/корпусе текстов, а «коллокатами» – лексемы, которые достаточно часто встречаются в одном контексте с ключевыми словами и образуют частотные словосочетания, так называемые «коллокации».

Таким образом, подход, предпринятый в нашем исследовании, сочетает методы корпусного исследования дискурса, развитые зарубежными лингвистами, с когнитивно-дискурсивным подходом, детально разработанным в отечественной лингвистике. Статистическое исследование корпуса позволяет нам структурировать, а также оперативно и с большой степенью достоверности проанализировать лингвистические данные и построить языковую картину мира норвежской политики, а когнитивная теория, в свою очередь, служит основой в истолковании полученных результатов и помогает нам надежно реконструировать политическую концептосферу, открывающую доступ к сознанию нации.

Во второй части главы 2 предпринято первичное обследование двух корпусов норвежского политического дискурса. В результате были составлены и проанализированы стословные списки наиболее частотной лексики норвежских парламентских партий. Для выявления специфических черт норвежской политической концептосферы и установления тенденций ее динамики был проведен ряд межъязыковых и внутриязыковых сопоставлений.

Во-первых, для определения характерных особенностей норвежского политического дискурса было предпринято сопоставление норвежского материала с соответствующим датским, представленным в работе О.М. Готта [Готта 2008]. В результате данного сопоставления удалось с уверенностью установить, что среди частотных норвежских лексем-репрезентантов концептов также присутствует феномен статистического скачка, ранее обнаруженный О.М. Готта на датском материале. Статистическим скачком в работе О.М.Готта была названа ситуация, когда частотность употребления следующего слова списка оказывается существенно ниже, чем у предыдущих слов. Следует отметить, что при общей закономерности

последовательного убывания частотности лексемы изменение по частотности между двумя соседними словами списка в среднем составляет 1% (если принять за 100% количество употреблений самого частотного слова) [Готта 2008: 52]. Указанный статистический скачок встречается только в начале – среди наиболее употребительных слов списка, и может, по мнению О. М. Готта, служить основанием для определения политического профиля каждой партии.

Кроме того, контрастивный анализ показал общую близость политических дискурсов двух родственных по языку и культуре скандинавских стран (в общепартийных стословных списках частотности совпадает 40 лексем), в частности, удалось выявить 7 сверхчастотных лексем, которые, по всей видимости, репрезентуют ядро общескандинавской политической концептосферы: <страна>, <общество>, <возможность>, <развитие>, <работа>, <ребенок> и <человек>.

Сопоставление также помогло выявить ряд специфичных черт, присущих политическому дискурсу Норвегии в отличие от политического дискурса даже такой близкой ей в культурном, социальном и экономическом отношении страны как Дания:

– дискурсивная невыраженность внимания к религиозной сфере (относительно низкая частотность ключевых лексем соответствующего содержания: *religion* ‘религия’, (*folke*)*kirke* ‘церковь’, *kristendom* ‘христианство’);

– дискурсивная невыраженность внимания к прошлому (относительно низкая частотность ключевых лексем соответствующего содержания: *fortid* ‘прошлое’, *historie* ‘история’, *røtter* ‘корни’, *tradisjon* ‘традиция’);

– слабовыраженная направленность на взаимодействие (относительно низкая частотность ключевых лексем соответствующего содержания: *debatt* ‘дебаты’, *dialog*, *samtale* ‘диалог’, *integrasjon* ‘интеграция’, *kompromisse* ‘компромисс’, *toleranse* ‘толерантность’);

– высокая позитивность (малая частотность лексем с негативным значением).

Судя по составу частотных лексем, норвежские политики проявляют большую, нежели их датские коллеги, озабоченность школьным образованием (высокая частотность лексемы *skole* ‘школа’) и социальным обеспечением (более высокая частотность норвежских лексем соответствующего содержания: *hjelp* ‘помощь’², *støtte* ‘поддержка’, *omsorg* ‘забота’).

Помимо общего норвежско-датского сопоставления, было проведено межъязыковое сопоставление частотных списков по отдельным партиям. Оно, в частности, показало, что при всей общности политических деклараций норвежской и датской правых партий, Датская народная партия по риторике все же достаточно близка к датскому политическому мейнстриму, тогда как норвежская

² Данная лексема в политическом дискурсе используется преимущественно в указанном контексте; при обсуждении других типов помощи, например, развивающимся странам, используется синонимичная лексема *bistand*.

праворадикальная партия FrP значительно отстоит от общенационального политического дискурса, более открыто выражая радикальные взгляды.

Для определения динамики норвежской политической концептосферы мы провели внутриязыковое сопоставление докризисных и кризисных частотных списков, сравнив как каждую партию в отдельности, так и общепартийные списки. Проведенный анализ показал, что количественные и качественные изменения в частотных списках корпуса 2 невелики, однако они произошли в составе наиболее частотных лексем, что отражает смену приоритетов политических партий Норвегии.

Среди изменений, произошедших в кризисном корпусе в риторике отдельных партий, особенно заметны следующие:

1) Только две из семи партий сохранили лидера частотности, в остальных произошла замена наиболее частотной лексики: у трех партий таковой оказалась лексема *forslag* ‘предложение’ – как отражение острой необходимости в новых идеях в условиях мирового кризиса. Наверняка не случайно то, что данная лексема повысила свою частотность именно в дискурсе оппозиционных партий (FrP, V, H, KrF), активно борющихся за власть, тогда как у партий правящей коалиции (Ap, Sp, SV) она не входит в группу высокочастотных ключевых слов.

2) Направление происходящих перемен не всегда одинаково в дискурсах разных партий, что, возможно, свидетельствует о поляризации интересов норвежских политических сил. Например, в дискурсе правой FrP и центристской KrF выбыл из состава частотных лексем, репрезентующая такой важный «социальный» концепт, как *ekteskap* ‘брак’, а лексема *barn* ‘ребенок’ опустилась с верхних позиций (у FrP со 2-го, а у KrF с 1-го места); а вот в списках трех из семи рассматриваемых партий (V (центристы), H (правые) и SV (левые)) лексема *barn*, напротив, демонстрирует существенный рост частотности.

Если говорить об изменениях, общих для всех норвежских партий, то, прежде всего, необходимо упомянуть следующие:

1) Повышение частотности лексем, в состав которых входят семы активной, целенаправленной, организованной деятельности: *oppfølging* ‘проверка исполнения’, *endring* ‘изменение’, *utbygging* ‘укрепление, расширение’, *forskning* ‘исследование’, *finansiering* ‘финансирование’, *løsning* ‘(раз)решение’, *prosjekt* ‘проект’, *plan* ‘план’, *tiltak* ‘мероприятие’, *lag* ‘команда’ и проч. демонстрирует потребность норвежцев – как политиков, так и рядовых граждан – в изменении, обновлении и активизации деятельности. Возрастание частотности данных лексем в политическом дискурсе свидетельствует о чрезвычайно здоровой и деятельной реакции норвежского общества на мировой экономический кризис, что, вполне вероятно, способствовало успешному преодолению его последствий в этой стране.

2) Общее для всех партий возрастание частотности у лексики *stat* ‘государство’, что свидетельствует о повышении значимости государственного

института в жизни норвежского общества. Что подтверждает, в частности, снижение частотности такого важного либерального понятия, как *samfunn* ‘общество’.

3) Наконец, прямым отражением мирового экономического кризиса стало появление в списках частотности всех норвежских партий лексемы (*finans*)*krise* ‘(финансовый) кризис’. При этом следует отметить общую стабильную позитивность норвежского политического дискурса, в котором, за исключением указанного слова, в целом в период кризиса не произошло существенного возрастания лексем с негативным значением.

Говоря об изменениях, нельзя не упомянуть перемены, произошедшие в составе наиболее частотных лексем норвежского политдискурса в целом. Перемены эти не были кардинальными, однако из числа высокочастотных лексем корпуса 1 в корпусе 2 выделилась группа сверхчастотных: *land*, *forslag*, *arbeid*, *skole*, *barn*, которые в настоящее время, вероятно, репрезентуют ядро норвежской политической концептосферы.

В целом, как можно видеть, применение статистического метода Никуличевой-Готта позволяет эффективно и, что немаловажно, объективно отслеживать динамику изменений концептуальных составляющих дискурса. В последующих главах выделенные на данном этапе ключевые концепты рассматриваются более детально: мы анализируем изменения, произошедшие уже на синтаксическом, дискурсивном и когнитивном уровне – в плане текстового функционирования вербализующих их лексем. Формат работы не позволяет нам с должной подробностью охватить все пять выделенных концептов, поэтому подробному анализу были подвергнуты лишь два: <страна> (*land*) и <работа> (*arbeid*).

В главах 3 и 4 предпринят анализ когнитивной структуры двух вышеозначенных ключевых концептов, отдельно для докризисного и кризисного корпусов, который позволяет реконструировать их фреймовые структуры и, посредством сопоставления результатов, определить динамику дискурса как отдельных норвежских партий, так и норвежского политического дискурса в целом. Исследование проводилось в формате последовательного сопоставления функционирования различных типов синтаксических и композитных сочетаний с лексемами *land* и *arbeid* в качестве ядерного компонентов в докризисном корпусе 1 (2003-2008 гг.) и в корпусе 2 (сформированном в начале мирового экономического кризиса (2008-2010 гг.)).

В главе 3 «Анализ концепта <страна>» был проведен анализ словарных дефиниций лексемы *land*, а также сравнительный анализ посессивных, атрибутивных и сочинительных конструкций с лексемой *land*, и, кроме того, – композитов, образованных на базе указанной лексемы. Обращение к словарю представляется важным, поскольку моделирование структуры концепта невозможно без исследования семантики репрезентующей его лексемы, которая наилучшим образом отражает ядро концепта. Анализ показал, что разные ЛСВ лексемы *land* соотносятся

с разными концептами, причем лишь два из них – ‘страна’ и ‘деревня’, – по своей семантике, могут, в качестве репрезентантов соответствующих концептов, являться частью политической концептосферы. Для нашего исследования наибольший интерес представляет лексема *land* в значении ‘географическая и политическая единица’, т.е. как репрезентант концепта <страна>, поскольку данный ЛСВ является наиболее частотным в норвежских политических текстах.

Необходимость анализа посессивных конструкций обусловлена тем, что лексема *land*, в силу своего значения, употребляется, в частности, в отношении самой Норвегии. Поэтому были рассмотрены конструкции, являющиеся перифразом Норвегии, т.е. конструкции с притяжательным местоимением первого лица множественного числа – *vårt land* и *landet vårt* (в норвежском синтаксисе притяжательное местоимение может занимать как пре-, так и постпозицию относительно существительного). Следует отметить, что более нейтральной и употребительной является конструкция с постпозицией местоимения, *landet vårt*, тогда как конструкция с препозицией местоимения, *vårt land*, является маркированной и акцентирует особое внимание на семе принадлежности [Næs 1965: 320; Никуличева 2000: 175]. Сопоставительный анализ частотности и текстового функционирования этих конструкций в разных корпусах показал, что в кризисный период имело место значительное снижение частотности препозитивных посессивных конструкций, акцентирующих принадлежность – *vårt land* ‘наша страна’ (16→ 8), *vårt eget land* ‘наша собственная страна’ (13→1), на фоне достаточно стабильного функционирования нейтральной в этом отношении посессивной конструкции с постпозицией местоимения *landet vårt*. Вместе с результатами анализа других коллокаций это изменение свидетельствует об общей тенденции норвежской политической риторики последнего десятилетия к снижению актуальности противопоставления «своих» и «чужих».

Анализ частотных атрибутивных сочетаний с лексемой *land* показал, что указанная лексема выступает в них исключительно в качестве репрезентанта концепта <страна>. Наиболее частотные определения лексемы *land* и их динамика представлены в следующей таблице:

	Корпус 1	Корпус 2
1	Andre ‘другие’ (176)	Andre ‘другие’ (178)
2	Fattige ‘бедные’ (145)	Fattige ‘бедные’ (130)
3	Rike ‘богатые’ (57)	Rike ‘богатые’ (41)
4	Fattigste ‘беднейшие’ (39)	Nordiske ‘скандинавские’ (32)
5	Europeiske ‘европейские’ (27), Nordiske ‘скандинавские’ (27)	Fattigste ‘беднейшие’ (24)
6	Eget ‘собственная’ (21)	Europeiske ‘европейские’ (18)
7	Annet ‘другая’ (20)	Rikeste ‘богатейшие/-ая’ (15)
8	Vestlige ‘западные’, Godt ‘хорошая’ (18)	Enkelte ‘отдельные/-ая’ (14)

9	Enkelte 'отдельные/-ая' (16), Rikeste 'богатейшие/-ая' (16)	Ikke-vestlige 'не-западные' (11), Godt 'хорошая' (11)
10	Lite 'маленькая' (14)	Vestlige 'западные' (10)
11	Beste 'лучшие/-ая' (13)	Rikt 'богатая' (8)
12	Ikke-vestlige 'не-западные' (12)	Annet 'другая' (7), Beste 'лучшие/-ая' (7)
13	Rikt 'богатая' (10)	

При исследовании сочетаемости лексемы-репрезентанта концепта не менее важными, чем атрибутивные сочетания, представляются композитные образования на ее основе. Смысл, передаваемый в русском языке сочетанием относительного/притяжательного прилагательного и существительного, в норвежском языке чаще всего можно выразить лишь с помощью композита подчинительного типа, начальный зависимый компонент которого служит определением к главному. В таких композитах и главный, и зависимый компоненты сохраняют свое значение, и отношения между ними подобны отношениям внутри синтагмы – это либо юнкция, либо (квази)нексус [Næs 1965: 381]. Поэтому немаловажным представляется рассмотрение наиболее распространенных в норвежском политическом дискурсе композитов, имеющих в качестве основного компонента лексему *land*.

Наиболее частотные композиты с ядром *land* и изменение их употребительности в кризисный период отражены в следующей таблице:

	Корпус 1	Корпус 2
1	Utviklingsland 'развивающиеся страны' (164)	Utviklingsland 'развивающиеся страны' (139)
2	Medlemsland 'страны-участницы' (65)	Naboland 'соседние страны/-а' (41)
3	Opprinnelsesland 'страны/-а происхождения' (58)	Medlemsland 'страны-участницы' (24)
4	EU-land 'страны ЕС' (36)	Foregangsland 'передовая страна' (24)
5	Naboland 'соседние страны/-а' (32)	Industriland 'развитые (индустриальные) страны' (19)
6	Foregangsland 'передовая страна' (29)	EU-land 'страны ЕС' (15)
7	Mottakerland 'страны-получатели' (17)	Mottakerland 'страны-получатели' (9)
8	Industriland 'развитые (индустриальные) страны' (16)	Opprinnelsesland 'страны/-а происхождения' (8)

Сочинительных конструкций, в которых бы лексема *land* выступала в значении «страна» в норвежском политическом дискурсе весьма мало. В корпусе 1 наиболее частотными являются сочетания *land og kulturer* 'страны и культуры' (7

употреблений), *land og folk* ‘страны и народы’ (6) и *land og områder* ‘страны и регионы’ (6). В корпусе 2 из трех частотных сочинительных конструкций с лексемой *land* остались только две: *land og folk* ‘страны и народы’ (5) и *land og områder* ‘страны и регионы’ (3).

Сопоставление частотности указанных синтаксических конструкций в корпусе 1 и 2 позволило выявить целый ряд тенденций.

Во-первых, несколько сверхчастотных сочетаний с ядром *land* оказались универсальными практически для всех норвежских партий и при этом сохранили свой уровень частотности в обоих корпусах. Это, прежде всего, используемая как перифраз Норвегии посессивная конструкция с постпозицией притяжательного местоимения *landet vårt* ‘наша страна’, а также такие конструкции, используемые для характеристики Норвегии, как *(et av) verdens rikeste land* ‘богатейшая страна/ одна из богатейших стран мира’ и *foregangsland* ‘передовая страна’. Наиболее частотным и устойчивым, по-видимому, во многом в силу широты своего значения, является атрибутивное сочетание *andre land* ‘другие страны’. К стабильным лидерам частотности также относятся синонимичные по своему дискурсивному функционированию сочетание *fattige land* ‘бедные страны’ и композит *utviklingsland* ‘развивающиеся страны’. Среди менее частотных, но достаточно константных сочетаний, присутствующих в риторике большинства партий, следует отметить атрибутивные сочетания *nordiske land* ‘скандинавские страны’, *enkelte land* ‘отдельные страны/отдельная страна’ и *ikke-vestlige land* ‘не-западные страны’, а также композиты *naboland* ‘соседние страны/соседняя страна’ и *industriland* ‘индустриальные страны’. Все эти сочетания следует отнести к «общему знаменателю» норвежской политической риторики – универсалиям современной норвежской политики.

Во-вторых, ряд сочетаний изменил свою частотность в риторике всех политических партий, и это отражает общую динамику норвежского политического дискурса в эпоху кризиса. Эта динамика проявляется по следующим направлениям:

– снижение обсуждаемости миграционной проблематики (снижение частотности конструкций, используемых в подобных контекстах: *(et) annet land* ‘другая страна’, *andre land og kulturer* ‘другие страны и культуры’, *opprinnelsesland* ‘страна происхождения’³, *europiske land* ‘европейские страны’, *EU-land* ‘страны ЕС’);

– изменение клише восприятия собственной страны на международной арене: в корпусе 1 в риторике большинства партий в качестве характеристики Норвегии использовалось сочетание *et lite land* ‘маленькая страна’ в сценарии противопоставления размера Норвегии ее большим мировым амбициям:

³ В норвежском политическом дискурсе данные сочетания неопределенной референции приобретают специфические дискурсивные смыслы, становясь указаниями на страны-источники иммиграции и на связанные с иммиграцией проблемы.

Som sosialdemokrater har vi alltid vært opptatt av at selv om vi er et lite land, må vi ta ansvar også internasjonalt. (Ap) – ‘Как для социал-демократов для нас всегда важно, что хотя мы и **маленькая страна**, мы должны брать на себя международную ответственность’;

амбиции сохранились (о чем свидетельствует устойчивая частотность композита *foregangsland* ‘передовая страна’), но в кризисном корпусе политики перестали упоминать о скромных размерах своей страны;

– увеличение актуальности тематики сотрудничества (рост частотности сочетания *nordiske land* ‘скандинавские страны’ и композита *naboland* ‘соседние страны’). Возможно, это обусловлено тем, что тесное региональное сотрудничество видится норвежским политикам одним из способов преодоления кризисных последствий в экономике страны;

– некоторое снижение значимости Европейского союза (снижение частотности композитов *EU-land* ‘страны ЕС’ и *medlemsland* ‘страны-участницы’, приобретающего в норвежском политическом дискурсе узкое значение ‘страны-члены Евросоюза’).

В рамках изменения динамики риторики отдельных партий в корпусе 2 особо следует отметить следующие:

– значительное сокращение частотности конструкций, связанных с миграционной проблематикой, в риторике особенно озабоченной этим вопросом в корпусе 1 крайне правой партии FrP ((*et annet land* ‘другая страна’ *europiske land* ‘европейские страны’, *opprinnelsesland* ‘страна происхождения’, *EU-land* ‘страны ЕС’, *andre land og kulturer* ‘другие страны и культуры’, *land og områder* ‘страны и регионы’). Подобные изменения в риторике FrP, с одной стороны, в целом согласуются с норвежскими общеполитическими тенденциями, а с другой стороны, могут быть обусловлены стремлением расширить число избирателей, снизив градус анти-иммигрантской риторики;

– социал-демократическая SV и центристская Venstre заметно уменьшили количество употреблений конструкций, связанных с тематикой помощи развивающимся странам (*fattige land* ‘бедные страны’, *fattigste land* ‘беднейшие страны’, *rike land* ‘богатые страны’, *vestlige land* ‘западные страны’, *utviklingsland* ‘развивающиеся страны’ и *mottakerland* ‘страны-получатели’). Подобную динамику можно объяснить влиянием кризиса: когда мировой кризис ударяет непосредственно по внутренней ситуации, дело помощи далеким бедным странам предсказуемо отходит на второй план;

– существенное возрастание частотности употребления конструкции *godt/beste land å bo i* ‘хорошая/лучшая страна для жизни’ в риторике правящей партии Ap (при том, что в целом в корпусе 2 частотность данной конструкции сокращается почти вдвое). Это, очевидно, объясняется необходимостью выгодно представить результаты своей деятельности накануне парламентских выборов в сентябре 2009 г.;

– существенный рост частотности композита *naboland* в риторике правящей партии Ap, что, вероятно, обусловлено повышением актуальности регионального сотрудничества в кризисный период.

Помимо динамики изменений частотности, показательна и динамика изменений сценариев, в которых функционируют частотные конструкции с ядром *land*. Наиболее существенными кажутся следующие тенденции изменения сценариев:

– появление еще одного критерия, по которому Норвегия превосходит другие страны, а именно – преодоление мирового финансового кризиса (на примере функционирования сочетаний *andre land* ‘другие страны’, *naboland* ‘соседние страны’):

Norge skal komme seg gjennom denne krisen med mindre skadevirkninger enn andre land. (Ap) – ‘Норвегия преодолет этот кризис с меньшими потерями, чем другие страны’;

De siste tallene fra NAV viser 78 000 ledige og et ledighetsnivå på tre prosent, mot mange hundretusen og mer enn dobbelt så høyt ledighetsnivå i våre naboland. (Ap) – ‘Последние данные Департамента труда и соцобеспечения показывают 78000 безработных и безработицу на уровне трех процентов, в противовес многим сотням тысяч и вдвое большему уровню безработицы в **соседних** с нами **странах**’;

– сокращение числа негативных контекстов употребления конструкций, обозначающих происхождение иммигрантов (*ikke-vestlige land* ‘не-западные страны’, *enkelte land* ‘некоторые страны’), ср.:

Корпус 1: *Senere innvandring fra ikke-vestlige land skulle vise seg å bli langt mer problematisk, og overgår det som i historiebøkene blir beskrevet som folkevandringer både i absolutte og relative tall.* (FrP) – ‘Позднее иммиграция из **не-западных стран** принесет гораздо больше проблем и превзойдет то, что в учебниках истории называют переселением народов, и в абсолютных, и в относительных числах’;

Корпус 2: *Vi ønsker en sterkere satsing på studiesamarbeid med ikke-vestlige land.* (KrF) – ‘Мы хотим усилить образовательное сотрудничество с не-западными странами’;

– активизация темы военного сотрудничества с другими странами для защиты «*mennesker i nød*» (‘людей в беде’), риторика, получившая дальнейшее проявление в активном военном участии Норвегии в боевых операциях в Ливии (на примере функционирования сочетаний *andre land* ‘другие страны’, *nordiske land* ‘скандинавские страны’, *vestlige land* ‘западные страны’):

Det er et bredt politisk enighet om at Norge i samarbeid med andre land skal sikre at mennesker i nød får nødvendig beskyttelse og assistanse <...>. (H) – ‘Широко распространенным в политике является мнение, что Норвегия в сотрудничестве с другими странами должна гарантировать, что люди в беде получают необходимую защиту и помощь <...>’.

Любопытные результаты дал контекст-анализ функционирования некоторых идентичных по своей частотности сочетаний в риторике левоцентристских и правых партий:

– главное различие между правыми и остальными партиями, в особенности, левыми, находящимися сейчас у власти, заключается во взгляде на ключевые ценности норвежского общества. Эти ценностные различия всплывают при обсуждении источников благосостояния Норвегии (сочетание *godt/beste land å bo i* ‘хорошая/лучшая страна для жизни’): для левых это единство норвежского народа (*felleskapet*), тогда как для правых – соблюдение прав человека (*menneskerettigheter*), толерантность (*toleranse*), уважение личности (*respekten for enkeltmenneske*);

– в отличие от левоцентристских партий, для которых помощь странам третьего мира является одной из основных задач международной деятельности, правые не считают, что богатство Норвегии обязывает ее помогать развивающимся странам (сценарии функционирования конструкций *fattige land* ‘бедные страны’, *fattigste land* ‘беднейшие страны’, *enkelt land* ‘отдельные страны’, *utviklingsland* ‘развивающиеся страны’);

– еще одно отличие правых партий от лево-центристских проявляется в дискурсивных смыслах, которыми они наполняют сверхчастотное сочетание *andre land* ‘другие страны’: для левых и центристских партий «другие страны» – это объект активной международной деятельности, тогда как для правой FrP под этим словосочетанием понимаются, прежде всего, страны Запада, оказавшиеся в той же мультикультурной ситуации, что и Норвегия;

– особая позиция по вопросу иммигрантов, число которых в Норвегии за последние десятилетия резко возросло, также отличает правых, правда, на этот раз, только одну из правых партий – FrP: в ее риторике больше всего синонимов для обозначения стран происхождения иммигрантов и явственнее всего негативная оценка по отношению к ним.

Сравнение дискурсивного функционирования структурно и денотативно близких конструкций, например, таких, как *EU-land* ‘страны ЕС’, *europiske land* ‘европейские страны’, *vestlige land* ‘западные страны’ и *rike land* ‘богатые страны’ позволяет утверждать, что за каждым из них закрепляются определенные дискурсивные смыслы. Так, композит *EU-land* используется преимущественно в контексте обсуждения трудовых мигрантов из новых стран ЕС, сочетание *europiske land* – в контексте решения общей для всех стран Европы проблемы адаптации иммигрантов, *rike land* – в контексте моральной ответственности за ухудшение экологии и необходимости помощи развивающимся странам, наконец, сценарии употребления сочетания *vestlige land* частично пересекаются со сценариями употребления *rike land*, однако оно используется также в контексте международного сотрудничества, в частности, совместных военных операций. То же самое можно сказать и о группе синонимов *fattige land* ‘бедные страны’, *fattigste land* ‘беднейшие

страны’, *utviklingsland* ‘развивающиеся страны’ vs. композит *mottakerland* ‘страны-получатели’. Первые три употребляются абсолютно синонимично в сценариях, декларирующих необходимость помощи странам третьего мира, тогда как в сценариях функционирования *mottakerland* говорится, прежде всего, о том, на какие нужды получаемая помощь должна быть направлена, и о важности самостоятельных действий стран-получателей помощи.

Проведенный анализ позволил выявить синтаксические особенности функционирования коллокаций с ядром *land*, наиболее примечательные из которых:

– дискурсивная активизация имплицитного противопоставления «свой» vs. «чужой» за счет использования препозитивной посессивной конструкции *vårt land* (в том числе, и в ситуациях невыраженности фокуса контраста);

– дискурсивная закреплённость определенных синтаксических ролей за определенными сочетаниями с *land*: так денотативно близкие друг другу гипотагмы *rike land*, *vestlige land* и композит *industriland* обычно занимают позицию субъекта (и семантического агенса), тогда как *fattige land*, *fattigste land*, *utviklingslan*, *mottakerland*, также относящиеся к одному денотату, регулярно попадают в позицию синтаксического объекта (и семантического пациенса); композит *foregangsland* как правило выступает в позиции именной части сказуемого, осложненного модальными глаголами и конструкциями со значением долженствования (*må*, *bør*, *skal*, *har en forpliktelse*), при субъекте *Norge*; за сочетаниями и композитами *et annet land*, *ikke-vestlige land*, *opprinnelsesland*, *EU-land* прочно закреплена позиция локуса.

Исследование функционирования концепта <страна> позволяет построить его фреймовую структуру в том виде, как она проявляется в политическом дискурсе современной Норвегии:

Наиболее крупными из обозначенных узлов являются «Наша страна», а также демографические и экономические корреляции в рамках узла «Другие страны». Это позволяет сделать вывод, что типичные сценарии, в которых функционируют

элементы указанных фреймовых узлов, являются центральными в норвежском политическом дискурсе как докризисного, так и кризисного периодов.

Глава 4 «Анализ концепта <работа>» строится по той же схеме, что и предыдущая, за вычетом рассмотрения посессивных конструкций, которые представляются не столь актуальными для структуры данного концепта.

Анализ словарных дефиниций показал, что все ЛСВ лексемы *arbeid* соотносятся с одним концептом и представляют собой вершинные узлы его фреймовой структуры.

Наиболее частотные определения лексемы *arbeid* и их динамика представлены в следующей таблице:

	Корпус 1	Корпус 2
1	Forebyggende 'профилактическая' (51)	Forebyggende 'профилактическая' (54)
2	Frivillig 'добровольная' (35)	Frivillig 'добровольная' (37)
3	Holdningsskapende 'воспитательная' (27)	Holdningsskapende 'воспитательная' (17)
4	Politisk 'политическая' (26)	Internasjonal(t/e) 'международная' (15)
5	Lønnet 'оплачиваемая' (16)	Viktig 'важная' (13)
6	Internasjonal(t/e) 'международная' (11)	Systematisk 'систематическая' (9)
7	Svart 'черная' (9)	Svart 'черная (нелегальная)' (8), Politisk 'политическая' (8)
8	Ulønnet 'неоплачиваемая' (8)	

Композитных образований с ядром *arbeid* в норвежском политическом дискурсе также довольно много. Наиболее частотные из них в обоих корпусах показаны в таблице:

	Корпус 1	Корпус 2
1	(Folke)helsearbeid 'оздоровительная работа (на благо народного здоровья)' (29)	(Folke)helsearbeid 'оздоровительная работа (на благо народного здоровья)' (56)
2	Utviklingsarbeid 'развивающая работа', omsorgsarbeid 'работа по уходу' (25)	Klimaarbeid, miljøarbeid 'экологическая работа' (26+17=43)
3	Deltidsarbeid 'неполная занятость' (17)	Utviklingsarbeid 'развивающая работа' (38)
4	Reformarbeid 'работа по реформированию' (12)	Omsorgsarbeid 'работа по уходу' (15)
5	(Barne- og) ungdomsarbeid 'работа с (детьми и) подростками' (11)	(Barne- og) ungdomsarbeid 'работа с (детьми и) подростками' (12)
6	Miljøarbeid 'экологическая работа' (8), barnearbeid 'детский труд' (8)	Deltidsarbeid 'неполная занятость' (11)

Сочинительных конструкций с лексемой *arbeid* в норвежском политическом дискурсе значительно больше, чем в случае лексемы *land*. Наиболее употребительные из них в корпусе 1 и 2 представлены ниже:

	Корпус 1 (<i>arbeid og/ eller ...</i>)	Корпус 2 (<i>arbeid og/ eller ...</i>)
1	Utdanning 'образование' (23)	Utdanning 'образование' (40)
2	Kapital 'капитал' (17)	Velferd 'благосостояние' (16)
3	Trygd 'пособие' (13)	Pensjon 'пенсия' (12)
4	Inntekt 'доход' (12)	Inntekt 'доход' (5)
5	Aktivitet 'активность' (11)	Aktivitet 'активность' (5)
6	Fritid 'свободное время', Deltakelse 'участие' (7), Skole 'школа' (7), Bolig 'жилье' (7)	Trygd 'пособие' (4), Miljø 'окружающая среда' (4)

Сопоставительный анализ функционирования указанных синтаксических конструкций позволил выявить ряд основных тенденций.

Во-первых, как и в случае лексемы *land*, была обнаружена группа сверхчастотных сочетаний с ядром *arbeid*, которые являются универсальными практически для всех норвежских парламентских партий и при этом сохранили и в отдельных случаях даже повысили свой уровень частотности в корпусе 2. Это такие сочетания, как: *forebyggende arbeid* 'профилактическая работа', *frivillig arbeid* 'добровольная работа', *helsearbeidet* 'оздоровительная работа', *folkehelsearbeidet* 'работа на благо народного здоровья', *utviklingsarbeid* 'развивающая работа', *arbeid og utdanning* 'работа и образование', *barne- og ungdomsarbeid* 'работа с детьми и подростками'. Указанные слова и словосочетания прочно закрепились в норвежском политическом лексиконе, и употребляются всеми партиями независимо от их политической направленности. По-видимому, их можно отнести к «общему знаменателю» норвежской политической риторики – универсалиям современной норвежской политики. Следует отметить, что большинство из указанных сочетаний относятся к двум фреймовым миниузлам, выделенным нами в структуре концепта <работа> – это «Профилактика» и «Развитие».

Во-вторых, оказалось, что ряд сочетаний изменил свою частотность в риторике всех парламентских партий, и это отражает общую динамику норвежского политического дискурса в эпоху кризиса. Эта динамика проявляется по следующим направлениям:

– конкретизация задач социальной интеграционной политики (резкое сокращение частотности сочинительных конструкций *arbeid og trygd* 'работа и пособие', *arbeid og deltakelse* 'работа и участие', *arbeid og aktivitet* 'работа и активность' на фоне увеличения частотности сочетания *arbeid og pensjon* 'работа и пенсия');

– уход от обсуждения проблем оплаты труда (снижение частотности употребления сочетаний *lønnet arbeid* ‘оплачиваемая работа’, *omsorgsarbeid* ‘работа по уходу’, *deltidsarbeid* ‘неполная занятость’, *arbeid og inntekt* ‘работа и доход’);

– установление приоритетов в деятельности на международной арене: таковым становится природоохранная политика (о чем свидетельствует резкое возрастание частотности композитов *klimaarbeid* и *miljøarbeid* ‘экологическая работа’ в примерах, где говорится о необходимости занять передовые позиции на международной арене);

– усиление акцента на качестве проделываемой партиями работы, по-видимому, в целях привлечения электората на парламентских выборах 2009 г. (заметное повышение частотности сочетания *systematisk arbeid*);

– возрастание актуальности проблемы уклонения от налогов, которое выражается не в повышении частотности (она осталась на прежнем уровне), а в увеличении числа партий, активно обсуждающих данную проблему (функционирование сочетания *svart arbeid* ‘черная (нелегальная) работа’);

– снижение актуальности проблемы неравномерного налогообложения работы и капитала (уменьшение частотности конструкции *arbeid og kapital* ‘работа и капитал’).

Ряд сочетаний в корпусе 2 изменили не только частотность, но и сценарий своего употребления, что также позволяет судить об общей динамике норвежского политического дискурса в кризисный период. Здесь также можно выявить несколько основных направлений:

– усиление акцента на необходимости интеграции иммигрантов (в сценариях подобного рода в качестве средства социализации начинают употребляться сочетания *frivillig arbeid* ‘добровольная работа’, *arbeid og utdanning* ‘работа и образование’):

Det er et mål at flere med minoritetsbakgrunn deltar aktivt i frivillig arbeid, både barn og voksne. (Ap) – ‘Цель в том, чтобы больше людей иммигрантского происхождения активно участвовали в добровольной работе, как дети, так и взрослые’. *Det er et mål at flest mulig kommer ut i arbeid og utdanning så raskt som mulig etter ankomst til Norge.* (Ap) – ‘Цель в том, чтобы как можно больше людей включались в **работу и образование** так скоро, как только возможно, после прибытия в Норвегию’;

– усиление внимания к здравоохранению и выдвижение его в качестве одного из политических приоритетов, что, возможно, обусловлено желанием заработать дополнительные очки на актуальной социальной проблематике накануне выборов 2009 г. (в сценариях подобного рода начинают фигурировать композиты *helsearbeid* ‘оздоровительная работа’ и *folkehelsearbeid* ‘работа на благо народного здоровья’).

В рамках динамики риторики отдельных партий следует отметить изменения, произошедшие в текстах партий правящей коалиции (Ap, SV и Sp) и правых (H и FrP). Наиболее значимыми, на наш взгляд, являются:

– появление темы борьбы с браками по принуждению в риторике Ap и SV, что подтверждает отмеченное выше возрастание актуальности проблемы интеграции иммигрантов (соответствующий сценарий функционирования сочетания *holdningsskapende arbeid* ‘воспитательная работа’):

Kampen mot tvangsekteskap må føres gjennom et bredt holdningsskapende arbeid i samarbeid med skole, helsestasjoner, familievernkontorer og andre instanser. (SV) – ‘Борьба с браками по принуждению должна вестись посредством широкой **воспитательной работы** совместно со школой, медпунктами, центрами защиты семьи и другими инстанциями’;

– конкретизация «социализирующего» типа работы (в качестве такового указывается добровольная работа – *frivillig arbeid*) в риторике партий Ap и SV;

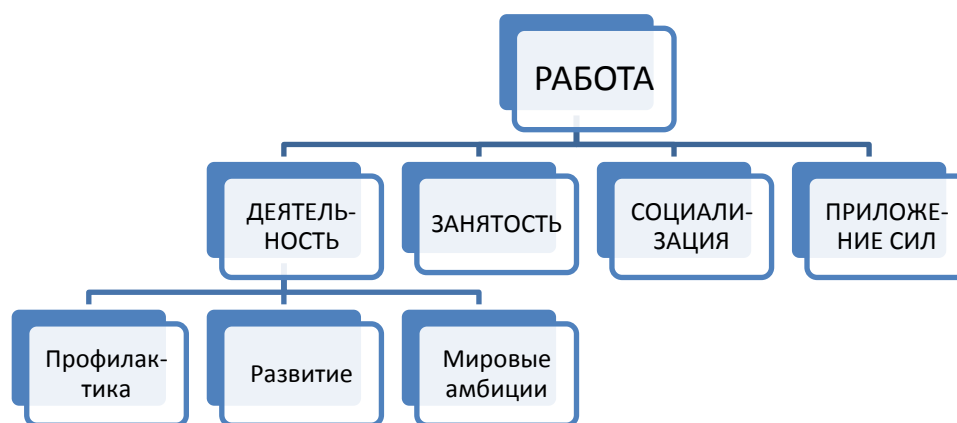
– усиление акцента на значимости проделываемой работы в риторике правящей партии Ap, по-видимому, обусловленное желанием заработать дополнительные очки в предвыборной гонке 2009 г. (резкое повышение частотности сочетания *viktig arbeid* ‘важная работа’ в риторике данной партии);

– заметное безразличие правых Høyre и FrP к международной деятельности Норвегии, в частности, в сфере экологической политики (почти полное отсутствие в риторике правых обоих корпусов сочетания *internasjonalt arbeid/ (det) internasjonale arbeid(et)* ‘международная работа’, а также композитов *klimaarbeid* и *miljøarbeid* ‘экологическая работа’, повысивших свою частотность в текстах норвежских партий в корпусе 2).

Кроме того, контекстный анализ сочетаемости лексемы *arbeid* позволил выявить любопытную особенность композита *barnearbeid*: в зависимости от функционирования, он приобретает разный дискурсивный смысл. Так, используясь в достаточно частотном сочетании с композитом *ungdomsarbeid* ‘работа с подростками’ – *barne- og ungdomsarbeid*, он получает значение ‘работа с детьми и подростками’ и имеет исключительно положительные коннотации, тогда как изолированно он употребляется реже и имеет в этом случае негативное значение ‘детский труд’.

Сопоставление корпусов показывает, что в период кризиса возрастает актуальность интеграции иммигрантов в норвежское общество. Чаще всего об этом говорят партии правящей коалиции (Ap, SV и Sp), в особенности лидер коалиции – социал-демократическая Arbeiderpartiet. С другой стороны, реже всего об этом говорится в текстах крайне правой партии FrP.

Исследование функционирования концепта <работа> позволяет построить его фреймовую структуру в том виде, как она проявляется в политическом дискурсе современной Норвегии.

Анализ сочетаемости лексемы *arbeid* показал, что не все потенциальные вершинные узлы концепта <работа>, выделенные нами на основании анализа словарных статей, актуализированы в политическом дискурсе, а один из таких узлов – «Приложение сил», заполняется лишь в корпусе 2. С другой стороны, предпринятый анализ позволил выделить важный вершинный узел в структуре концепта, не отраженный в словарях, а именно «Социализация». В целом, наиболее стабильными во фреймовой структуре концепта <работа> являются миниузлы «Профилактика» и «Развитие». Это позволяет сделать вывод, что именно профилактика и развитие являются наиболее значимыми составляющими смысловой структуры концепта <работа> в норвежском политическом дискурсе.

В **заключении** обобщаются основные результаты исследования и формируются наиболее значимые выводы.

Обоснованность и надежность избранной нами методики анализа подтверждаются тем, что изменения в сочетаемости обеих рассмотренных лексем и, следовательно, в структуре обоих концептов, позволяют сделать общие выводы о динамике норвежского политического дискурса.

Один из первых выводов – это то, что, несмотря на происходящие изменения, часть словосочетаний и сложных слов сохраняют свою популярность в политическом дискурсе, являя собой, таким образом, некие **константы языковой картины мира норвежской политики** и, следовательно, политического сознания.

Вторым общим выводом, который позволяет сделать анализ обоих концептов, – это произошедшее в кризисный период **изменение семантики и синтактики синтагм и композитов, используемых в обсуждении норвежской миграционной политики**. Это выражается, прежде всего, в сокращении негативных сценариев употребления слов и словосочетаний, денотативно связанных с иммиграцией. Кроме того, происходит снижение частотности такого типа единиц (в том числе и у наиболее категоричного противника миграции – партии FrP). Функционирование лексемы *arbeid* в кризисном корпусе указывает на то, что многие парламентские партии начинают рассматривать интеграцию иммигрантов посредством работы как основной

способ решения миграционных проблем. Таким образом, проведенный в нашем исследовании лингвистический анализ политического дискурса свидетельствует о том, что произошедший в июле 2011 года теракт А. Брейвика – это не отражение общей политической нетерпимости норвежского общества, а, наоборот, реакция на общее усиление межэтнической толерантности, объективно регистрируемое в политическом дискурсе.

Еще одно изменение норвежского политического дискурса, на которое указывает анализ ключевых концептов, – это **увеличение в кризисном дискурсе частотности синтагм, композитов и сценариев, связанных с природоохранной политикой**, что можно толковать как установление приоритетов в деятельности Норвегии на международной арене.

Наконец, следствием кризиса, нашедшим свое отражение в структуре обоих концептов, стала **тенденция к уходу от обсуждения вопросов, требующих финансовых вливаний**, как внутривнутриполитических (поддержка малоимущих), так и международных (помощь бедным странам).

Анализируя сочетаемость лексем-репрезентантов концептов, также удалось установить, что **важным фактором, повлиявшим на динамику политического дискурса**, был не только мировой финансовый кризис 2008 г., но и состоявшийся годом позже, в сентябре 2009 г. **выборы в норвежский парламент**.

Еще на стадии составления списков частотных лексем и сопоставления норвежского политического дискурса с датским проявилась особенность, которая нашла свое дальнейшее подтверждение при анализе концептов <страна> и <работа>, а именно: **существенное отличие языковой и концептуальной картин мира правых партий, особенно крайне правой партии FrP, от остальных партий парламента**. Главное различие между правыми и остальными партиями, в особенности, левыми, находящимися сейчас у власти, заключается во взгляде на ключевые ценности норвежского общества. Кроме того, в отличие от левоцентристских партий, для которых помощь странам третьего мира – одна из основных задач международной деятельности, правые не считают, что богатство Норвегии обязывает ее помогать развивающимся странам.

Что касается партии FrP, то она выделяется на фоне остальных, даже близкой ей по идеологии партии Нюуге, прежде всего, отношением к иммигрантской проблематике: в ее риторике больше всего синонимов для обозначения стран происхождения иммигрантов и явственнее всего негативная оценка по отношению к ним. Впрочем, анализ списка частотных лексем и в особенности анализ сочетаемости лексем *land* и *arbeid* в корпусе 2 показал, что в кризисный период позиция FrP также претерпевает заметные изменения: в корпусе 2 она заметно уменьшает акцент на данной проблеме, и выделяется на фоне остальных партий почти полным отсутствием обсуждения интеграционной политики. То есть, при всем консерватизме FrP, намечается определенная тенденция к ее сближению со взглядами норвежского

политического мейнстрима. Таким образом, проведенный в нашем исследовании мониторинг динамики политической риторики норвежской праворадикальной партии помогает, помимо всего прочего, понять, почему в свое время А. Брейвик сделался членом именно «Партии прогресса», почему он позднее из нее вышел, и почему его ярость маргинала-одиночки выплеснулась именно на активистов «Рабочей партии».

Исследование сочетаемости лексем *land* и *arbeid* указало также на тенденцию к **закреплению определенных дискурсивных смыслов за разными семантически близкими конструкциями**. К примеру, композит *EU-land* ‘страны-участницы ЕС’ используется преимущественно в контексте обсуждения трудовых мигрантов из новых стран ЕС, а сочетание *europiske land* ‘европейские страны’ – в контексте решения общей для всех стран Европы проблемы адаптации иммигрантов; в свою очередь, композит *barnearbeid* в достаточно частотном сочетании с композитом *ungdomsarbeid* получает значение ‘работа с детьми и подростками’ (*barne- og ungdomsarbeid*) и имеет исключительно положительные коннотации, тогда как в изолированном употреблении получает негативное значение ‘детский труд’.

Проведенное исследование показало, что комплексное применение методов корпусной и когнитивной лингвистики помогает получить объективные и надежные результаты при исследовании дискурса и эффективно не только в синхронных, но и в диахронических исследованиях. Перспективным представляется дальнейшее исследование норвежского политического дискурса с точки зрения его концептуальных составляющих, а также применение данной методики при изучении политических дискурсов других стран.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. **Комкова А.Н.** Динамика норвежского политического дискурса: ключевые концепты // **Вопросы филологии**. М., 2010. №2 (35). – С.121-127.
2. **Комкова А.Н.** Контрастивный анализ концепта «работа» в норвежском и датском политических дискурсах // **Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация**, Новосибирск, Изд-во НГУ, Т.9, Вып.2, 2011. – С.121-130.
3. **Комкова А.Н.** Контрастивное исследование политического дискурса на материале близкородственных языков // **Контрастивные исследования языков мира**. Материалы Третьих лингвистических чтений памяти В.Н. Ярцевой, 17 ноября 2009. – М.-Калуга: Институт языкознания РАН, 2009. – С.241-252.
4. **Никуличева Д.Б., Комкова А.Н., Терехова Е.В.** О некоторых лингвистических инструментах мониторинга изменений общественного сознания (на материале анализа политического дискурса) // **Текст и язык в переходные эпохи / Материалы круглого стола**. Институт языкознания РАН, 26 октября 2010. М.: Тезаурус, 2010. – С.84-98.

5. *Комкова А.Н.* Анализ функционирования концепта «работа» в норвежском политическом дискурсе // VI Международная конференция «Язык, культура, общество», Москва 22-25 сентября 2011 г. Тезисы докладов. – С. 86-87.
6. *Никуличева Д.Б., Комкова А.Н.* Феномен Брейвика через призму лингвистического мониторинга норвежского политического дискурса // Текст и языковые процессы в переходные эпохи. – М.: Институт языкознания РАН, 2012. – (в печати).